

ПОЛИНА ДАШКОВА

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Повесть и рассказы

ЖАН
РЫ
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д21

Оформление обложки дизайн-студия «Графит»

В книге и на обложке использованы иллюстрации
Дарьи Шишовой

Охраняется законом РФ об авторском праве.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается
без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Дашкова, Полина Викторовна

Д21 Точка невозврата : повесть и рассказы / Полина
Дашкова. — Москва : АСТ, 2014. — 316, [4] с.

ISBN 978-5-17-078203-1

Я не знаю, где кончается придуманный сюжет и начинается жизнь. Вопрос этот для меня мучителен. Никогда не сумею на него ответить, но постоянно ищу ответ.

Когда я писала трилогию «Источник счастья», мне пришлось погрузиться в таинственный мир исторических фальсификаций. Попытка отличить мифы от реальности обернулась фантастическим путешествием во времени.

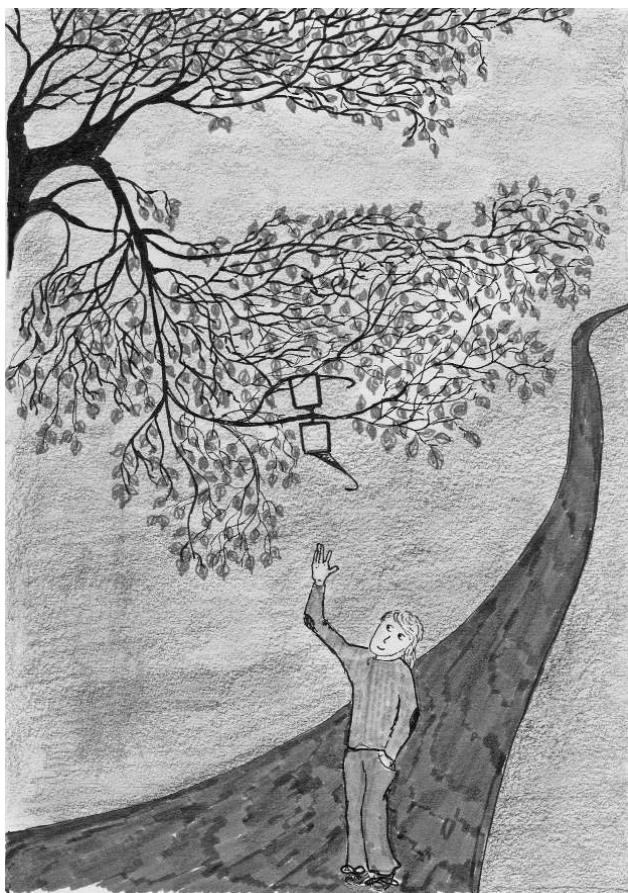
Документально-приключенческая повесть «Точка невозврата» представляет собой путевые заметки. Все приведенные в ней документы подлинные, я ничего не придумала, я просто изменила угол зрения на общеизвестные события и факты.

В сборник также вошли четыре маленьких рассказа и один большой. Все они обо мне, о моей жизни. Впрочем, за достоверность не ручаюсь, поскольку не знаю, где кончается придуманный сюжет и начинается жизнь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дашкова П.В.
© ООО «Издательство АСТ»

ЛЕШЕНЬКА

«Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом».

*(Св. апостол Павел,
Первое послание к Коринфянам)*

Хирург В.Л., как обещал, позвонил мне в девять утра и сказал: «Ваш больной очнулся, настроение бодрое, улыбается, передает вам привет. Отдыхайте, постарайтесь выспаться».

Я пролепетала слова благодарности и впервые за десять суток крепко уснула. Операция длилась восемь часов, но прошла благополучно. Наркоз «мой больной» перенес легко. Пока он в реанимации, к нему все равно не пустят, так что сегодня в клинику ехать не нужно.

Я закрыла глаза и увидела «моего больного» совершенно здоровым. В институтской аудитории он сидел через ряд от меня, впереди, и вертелся, чувствовал мой взгляд. Я спрашивала себя: ну что ты на него уставилась? Он вовсе не в твоём вкусе. У тебя есть мужественный взрослый жених, а этот — мальчишка, ребенок.

Он повернулся, поправил очки, сверкнул на меня глазом. Щеки его пылали. Я равнодушно

подумала: ну вот, зачем мальчику такие роскошные золотые волосы, голубые глаза, нежный девичий румянец? Ему следовало бы родиться девочкой. Наверное, от него будут рождаться очень красивые девочки.

Просвеченная солнцем аудитория, пляска пылинок внутри толстых пологих световых столбов, быстрый поворот золотой лохматой головы, розовый абрис щеки, коричневая дужка очков, большие круглые заплатки на локтях изношенного свитера, — все это уже тогда, почти тридцать лет назад, стало воспоминанием, причем не моим, а нашим с ним общим. И две наши девочки, и долгие годы неразлучной жизни уже существовали в прошлом или в будущем. Не важно.

Наши поезда, самолеты, вертолеты, бесчисленные города, леса, моря, океаны, в которых он упорно учил меня плавать, — все вдруг взметнулось со дна моей души, закрутилось мгновенным радужным вихрем и улеглось на место, притаилось, оставив легкий озоновый запах.

В наше первое лето в тамбуре поезда Тюмень—Тобольск он спел мне песню «С одесского кичмана сбежали два уркана». Кажется, именно тогда мы впервые поцеловались. В Тобольске в гостинице нас поселили в разных номерах: его — в мужском, меня — в женском. Мы решили — как вернемся в Москву, срочно обза-

ведемся штампами в паспортах, чтобы впредь это безобразие не повторялось.

Мы терпеть не могли ритуалов. Сбежали с собственной свадьбы. После регистрации всего пару часов посидели за столом и отправились на вокзал, сели в поезд, укатили в далекий южный город. Уже взрослые, мы тихо удирали с разных торжественных мероприятий, с фильмов, концертов и спектаклей, которые нам не нравились. Мы были легки на подъем, бесконечно много ходили пешком по Москве, Питеру, Нью-Йорку, Парижу, Венеции, Праге. Мы забредали в глубь непроходимой тайги под Ханты-Мансийском и видели медведя-людоеда. Мы встречали Новый год в студенческом забастовочном штабе в Братиславе в радостные дни «бархатной революции». Мы купались в Атлантическом океане на Брайтон-Бич, носились на мотоцикле по горному серпантину греческих островов, спускались в сталактитовые пещеры, летали на парашюте, привязанном к катеру, над Средиземным морем.

Я давно догадывалась, что прошлое — хорошо забытое будущее, а всякое новое знание есть воспоминание. Потом мне это подтвердили люди, весьма осведомленные — Платон, Блаженный Августин, Альберт Эйнштейн. Пространство не трехмерно, а время не линейно. Пространство может искривляться, время то и дело

меняет темп и движется в разных направлениях. Прошлое живет в памяти, будущее – в воображении. Разница невелика.

Почти сразу после звонка хирурга я открыла глаза и вскочила. Нечто серое, размером не больше теннисного мяча, пронеслось надо мной. Странный шорох, сухой, пульсирующий, и дрожь воздуха – вот все, что я успела запомнить. Это был воробей. Он влетел в открытое окно спальни, ударился о зеркало, прочертил быстрые зигзаги под потолком, словно оставил какие-то ритуальные знаки, и вылетел прочь.

Я не верю приметам. Зачем они нужны? Мне и так уж все сказали врачи. Опухоль четвертой степени, метастазы. Впрочем, врачам я тоже не верю.

«Мой больной» лежал в проводах и трубках, как компьютер, к которому много всего подсоединили. Мой Лешенька смотрел на меня, улыбался и рассказывал, что в операционной и в реанимации потрясающе интересно. Похоже на путешествие в будущее или на голливудскую фантастику. Ему нельзя было ни пить, ни есть, но это мешало ему значительно меньше, чем невозможность жестикулировать. Рассказывая о чем-то, Лешенька размахивал руками так, что сшибал свои очки. Они бились, ломались, терялись, в конце концов он перестал их носить, и зрение его как-то само собой выправилось.

Он водил машину по московским пробкам, по десяткам незнакомых городов, читал при тусклом свете самый мелкий шрифт, монтировал свои фильмы и отлично обходился без очков просто потому, что ему надоело каждый раз заказывать новые.

Я с самого начала попросила врачей не сообщать моему мужу подробности диагноза, размер опухоли, количество метастазов, и о воробье, залетевшем в спальню, я, разумеется, не сказала ни слова. Лешенька, в отличие от меня, верил врачам и приметам. Я убеждала его, что врачи вылечат, и придумывала приметы, которые это подтверждали. Я знала, что его болезнь они лечить не умеют, но верила, что он выздоровеет, просто потому, что ему надоест болеть.

Хирург С.Ю., который оперировал Лешеньку, зашел в палату, осмотрел его, весело поболтал с ним, потом увел меня в ординаторскую и очень подробно рассказал, какие органы и насколько сильно поражены метастазами.

«Там не осталось живого места. Этот вид опухолевых клеток самый агрессивный. Они растут очень быстро. Если вам нужно поплакать, не сдерживайтесь. Лучше здесь, чем там у него, в палате».

Я ответила, что плакать предпочитаю в одиночестве, дома в ванной. И вообще не собираюсь сдаваться.

«Хорошо», — сказал хирург и принялся рассказывать мне чудесные истории о том, как выживали самые безнадежные онкологические больные вопреки всем медицинским прогнозам.

После операции Лешенька поднялся на ноги удивительно скоро. Мы ходили по маленькой палате, со штативом капельницы, нам не хватало рук, чтобы держать все дополнительные склянки и пакеты, которыми он был обвешан. Но количество их с каждым днем убывало. Мы гуляли по коридору, наконец вышли в больничный парк.

Стояла волшебная золотая осень, теплая, сухая. Под ногами шуршали кленовые листья. Над головой сияло чистое, без единого облака, небо. Я говорила, что через год мы непременно приедем сюда, в Измайлово, и будем вспоминать эти наши послеоперационные прогулки, больницу, хирургов В.Л. и С.Ю. Они отлично сделали свое дело, спасибо им.

«С.Ю. я вспоминать не буду, — сердито проворчал Лешенька, — он к тебе откровенно клеится. Ты с ним часа два болтала в ординаторской».

Впервые за долгую жизнь я обрадовалась, что Лешенька меня ревнует. Раньше это пугало и раздражало. Он ревновал меня ко всему на свете, не только к людям, но и к вещам. Я должна была всегда носить колечки и сережки, которые он мне дарил, пить кофе из чашек, которые он

для меня покупал, подробно рассказывать ему обо всех своих выступлениях, встречах с читателями, поездках, прочитанных книгах. Если какой-нибудь фильм или спектакль я смотрела без него, он обижался совершенно по-детски. Он ревновал меня даже к моим вымышленным героям. «Ты рядом, но тебя как будто нет, ты думаешь только о них, я слышу, как они там у тебя в голове ходят, разговаривают, кашляют, смеются и плачут».

Когда мы ждали первого ребенка, он вдруг заявил: «Ты будешь любить его больше, чем меня, и как же мне тогда жить?» Я решила, что он шутит. Но нет, это оказалось вполне серьезно. И дурацкая детская присказка «Вот я стану старый, толстый, лысый, и ты меня разлюбишь» тоже была вовсе не шуткой.

Во время одной из наших прогулок по больничному парку он сказал: «Мы жили слишком счастливо. Теперь за это приходится расплачиваться».

Я спросила: «С кем расплачиваться?» Он ответил: «Не знаю».

Хорошо заживали швы. Поднимался гемоглобин и лейкоциты. Были чистые легкие и здоровое сердце. Химиотерапевт сказал мне, что надежды нет, но есть шанс: молодой возраст и сильный резерв организма. В любом случае, такого больного нельзя оставлять без лечения.

В отличие от хирургов, этот доктор мне не понравился. Азарт и амбиции никак не вязались с его трагической специальностью. Про себя я назвала его «доктор А.А.».

У нас не осталось ни времени, ни выбора. Когда обнаружили опухоль, она была такая огромная, что без операции Лешенька мог погибнуть в течение нескольких суток от кишечной непроходимости. Операция спровоцировала бурный рост метастазов, а их и так уж было полно. Следовало срочно начинать курс химиотерапии.

У медсестры, которая вкатила в палату штатив с капельницами, были так густо накращены ресницы, что светло-серые глаза казались белыми. В большой банке покачивалась прозрачная, совершенно безобидная на вид жидкость. Лешенька старательно сжимал и разжимал кулак, чтобы вздулись вены.

За мгновение до того, как в вену вошла игла, я шагнула к сестре, отстранила ее профессиональную руку, обняла Лешеньку и прошептала:

— Пойдем отсюда.

— Конечно, Малышонок, поехали домой, — ответил он и принялся искать в тумбочке коробку конфет, чтобы подсластить недоумение белоглазой сестры.

Мы вышли в золотое осеннее утро. Мы сбежали. Я видела, как два силуэта, его и мой, рас-

творились в солнечном свете на повороте аллеи больничного парка. Мы продолжали существовать, но в другом измерении. Пространство искривилось, вернее, скривилось в страдальческой гримасе. Все, что происходило здесь и сейчас, не могло быть реальностью, потому что здесь и сейчас присутствовала смерть, а в реальности ее нет. Как положено фантому, она окружает себя разнообразными ритуалами. Ритуалы завораживают.

Игла вошла в Лешенькину вену. Прозрачная жидкость потекла по трубке. Я не шевельнулась, не сказала ни слова. Я поступила разумно. Мой муж лежал в одной из лучших московских клиник, проходил курс интенсивной химиотерапии. Он был образцовым пациентом, смиренным, терпеливым и доверчивым. Я была образцовой женой пациента. Свежие овощные соки, супчики в термосах — для него. Конверты с крупными купюрами — для врачей. Шоколадные наборы и мелкие купюры без конвертов — для сестер.

После второго курса размеры и количество метастазов увеличились еще больше. Доктор А.А. сказал, что это значительно ухудшает прогноз, однако третий курс необходим, поскольку такого больного нельзя оставлять без лечения. Это не гуманно.

Перед третьим курсом нам дали короткую передышку. Невозможно было представить, что с